

Разве Лю Юфу устроился на работу в уездном городе? Нет, дело было в том, что Лю Сян забеременел, и Лю Фа пришлось отправить их в тот уездный город, где никто их не знал.

В период праздников Лю Сян каждый день бегал в город. Там он сблизился с владельцем лавки, где продавали мясные деликатесы. Лавка процветала, а Лю Сян был известен своей страстью к вкусной еде. Каждый раз, покупая мясо, он получал от хозяина дополнительные куски. Сначала это было лишь проявление щедрости, но со временем их взгляды стали пересекаться чаще, чем того требовала обычная торговля.

На первый взгляд, в этом не было ничего плохого. Если бы тот мужчина пришел в дом свататься, даже ради лавки, Чжан Цзюй наверняка бы согласилась. Они бы поженились, и все были бы довольны. Но у хозяина лавки, как оказалось, были совсем другие намерения. Он щедро угощал Лю Сяна мясом, говорил сладкие речи, обещал все, что только можно было пожелать, и, в конце концов, заманил его в спальню на заднем дворе магазина.

Когда дело дошло до близости, Лю Сян с отвращением отметил, что хозяин был тучным и неказистым, да и мужская сила его была столь мала, что походила на детскую. Но раз уж все зашло так далеко, мужчина стал с жаром уверять, что непременно женится, и после свадьбы Лю Сян будет купаться в изобилии и жить как в сказке. Под такими обещаниями Лю Сян сдался, и, преодолев отвращение, позволил тому жалкому существу совершить свой неуклюжий акт.

После этого Лю Сян зачастил в лавку и даже иногда оставался ночевать в ее заднем дворе. Их встречи становились все чаще, пока однажды братья Лю Фа не выследили его в городке. Лю Сян отказался сказать, кто этот мужчина, но дома рассказал обо всем родителям.

Чжан Цзюй была вне себя от радости. В ее мечтах уже вырисовывались счастливые картины будущего: она с сыном живет в городе, наслаждаясь жизнью, полной вкусной еды и комфорта. Она всячески подгоняла Лю Сяна: «Чаще ходи в город, ничего не упusti!»

Но как только хозяин магазина узнал, что семья Лю Сяна обо всем осведомлена, его отношение резко изменилось. Он стал холоден, избегал встреч, а затем и вовсе перестал показываться. Каждый раз, когда Лю Сян приходил в лавку, он замечал хозяина издали, но, стоило зайти внутрь, как тот тут же исчезал. На вопросы о его местонахождении работники отвечали, что хозяин уехал по делам. Когда Лю Сян пытался пройти во двор, его туда не пускали.

Вскоре Лю Сян понял, что беременен, и рассказал об этом матери. Чжан Цзюй, собрав всю семью, отправилась в лавку устроить скандал. На этот раз хозяин лавки был на месте, но лишь скрестил руки на груди и холодно заявил: «Кто знает, от кого он залетел? Он лишь несколько раз покупал у меня мясо. Я его вообще не знаю!»

Чжан Цзюй пыталась устроить переполох, но работники лавки закатали рукава, явно готовясь к драке. Лю Сян, рыдая, выкрикнул: «Я ношу твоего ребенка, а ты так жесток! Ты даже от собственного сына отказываешься?!»

Хозяин лавки насмешливо усмехнулся:

— Тогда скажи, какие у тебя доказательства, что это мой ребенок?

Лю Сян растерялся, не зная, что ответить, и в итоге всю семью выгнали из лавки. Хозяину даже не пришлось прилагать усилий — он лишь лениво наблюдал со стороны. Когда их вытолкнули за порог, он злобно сплюнул им вслед и выкрикнул:

— Тьфу, нищая семейка! Надеялись, что с помощью этого дешевого распутника поднимутся в люди? Какие же вы глупцы!

После этого Лю Сян хотел было выпить лекарство, чтобы избавиться от ребенка, но Чжан Цзюй наотрез отказалась. Она все еще надеялась:

— Подождем, пока ребенок родится, и принесем его ему. Не поверю, что, увидев собственного сына, он останется таким же жестоким!

Но живот даже не успел заметно округлиться, как Чжан Цзюй узнала, что у хозяина лавки в деревне есть жена и дети — целых шесть сыновей, причем трое из них рождены не его женой. Более того, выяснилось, что эта лавка — место частых скандалов. Каждый год как минимум дважды кто-то устраивает здесь сцены, и Лю Сян оказался далеко не единственным, кого обманули. Но никто из пострадавших так и не добился замужества.

Хозяин лавки оставался равнодушен к этим скандалам, а вот для Лю Сяна репутация имела значение. Теперь вся семья Лю оказалась в отчаянии. Чжан Цзюй охватило беспокойство, Лю Юфу не знал, что делать, а Лю Юн, хоть и не был дураком, ничем не мог помочь. Сам Лю Сян только плакал каждый день, не находя выхода.

В конце концов Чжан Цзюй решила обратиться к жене Лю Фа за советом. Услышав эту историю, та едва не лишилась чувств. Без лишних слов, никого не позвав на помощь, она сама запрягла телегу, посадила туда Чжан Цзюй с Лю Сяном и отвезла их в соседнюю деревню к старому доктору.

Старик осмотрел Лю Сяна и покачал головой:

— Опоздали. Ребенок уже три месяца как в утробе. Даже если дать лекарство, это может не подействовать, а если силой избавляться, можно угробить и мать, и ребенка.

Чжан Цзюй, выслушав это, вытаращила глаза, которые казались больше, чем у быка, и схватила старика за руку своими иссохшими пальцами:

— Убирайте его, хоть умри! У меня не осталось сил терпеть его позор. Я столько его растила, а он ничего не дал взамен. На что он мне теперь?

Услышав это, Лю Сян разрыдался и упал перед матерью на колени:

— Мама, прошу, не делай этого! Я найду выход, обещаю! Я сделаю так, чтобы вы с папой жили в достатке!

Жена Лю Фа была так потрясена, что казалось, ее волосы вот-вот встанут дыбом. Она всеми силами попыталась остановить Чжан Цзюй и, после долгих уговоров, все же убедила вернуться домой.

Дома жена Лю Фа с мужем долго обсуждали, что делать дальше. Они не решались рассказать об этом Лю Цаю и Ци Инланю, опасаясь, что те сообщат родственникам, и тогда их семью начнут презирать. Лучшим выходом, как казалось, было заставить хозяина лавки признать ребенка и жениться на Лю Сяне.

Но в городе семья Лю поддерживала лишь деловые отношения с управляющими нескольких крупных домов, поставляя им тофу и соевые продукты. Просить о таком важном деле было просто не у кого.

И вот, когда они ломали головы над этой проблемой, в комнату ворвалась Чжан Цзюй. Она больше не выглядела мрачной, напротив, глаза ее горели. Зайдя, она сразу же закрыла дверь, прижалась к окну, чтобы убедиться, что никто во дворе их не подслушивает, и, едва скрывая радость, потерла руки:

— Наш Лю Сян с головой на плечах! С самого детства он всегда знал, как выкрутиться!

Лю Фа фыркнул, недовольно взглянул на Чжан Цзюй и ничего не ответил.

Жена Лю Фа тяжело вздохнула и сказала:

— Может, завтра мы с Лю Фа съездим в уезд и еще раз поговорим с этим хозяином лавки...

Чжан Цзюй хлопнула себя по бедру и воскликнула:

— Да разве ж кто захочет выйти за этого жирного ублюдка?! У него и то, что между ног, короче носика нашей чайника!

Ее грубая речь заставила жену Лю Фа нахмуриться, а сам Лю Фа раздраженно заходил по комнате.

— Так что ты предлагаешь делать? — спросил он с нетерпением.

На лице Чжан Цзюй появилась хитрая улыбка. Она пристально посмотрела на Лю Фа и сказала:

— Я слышала от твоей жены, что ты недавно собирался выпить с тем кузнецом и сыграть в карты.

— С Цю Хэнянем? — переспросил Лю Фа, не понимая, куда она клонит. — А это тут причем?

Чжан Цзюй хлопнула в ладоши:

— Вот что! Ты в ближайшие дни пригласи его, напои хорошенько, а как он упадет пьяный, я пришлю туда Лю Сяна. Пусть все произойдет. А мы с его отцом будем караулить у двери. Когда он протрезвеет, мы ворвемся в комнату. Тогда уж он не сможет отвертеться, а ребенок в животе — это будет его, хоть убей!

Лю Фа и его жена переглянулись, на их лицах читался шок и ужас.

...

Цин Янь дома сварил кастрюлю ухи. Половину он отнес Цю Хэняню и Сяо Чжуну, а вторую половину отнес в дом Лю.

Из опасения, что болезнь может передаться детям, Лю Фа временно отправил своего младшего брата с его женой и детьми пожить у родственников. В последние дни дома оставались только он с женой.

Лю Фа был так занят, что у него не хватало сил на все сразу. Даже делами мастерской тофу он едва управлял: обслуживал только постоянных крупных клиентов в городе, а мелких покупателей на эти дни оставил без внимания.

Когда Цин Янь пришел к дому Лю, Лю Фа все еще был занят в мастерской. Его жена лежала на кровати с бледным лицом, опухшими веками и потрескавшимися от сухости губами. Она сильно похудела.

Пока уха была горячей, Цин Янь налил ей чашку супа, выбрал кусочки рыбы с минимальным количеством костей и подал ей с ложкой, чтобы она могла спокойно поесть.

— Брат Лю сказал, что у тебя совсем нет аппетита и ты не можешь есть. Я сварил для тебя этот суп. Здесь свежая рыба, мясо нежное, костей почти нет, запаха тоже. Попробуй, — сказал Цин Янь.

Жена Лю Фа благодарно кивнула, попробовала суп и сказала:

— Ты и правда мастак! Далану повезло с тобой.

Цин Янь улыбнулся и ответил:

— Брат Лю кое-что мне рассказал. Ты не сердись на него. Он просто беспокоится, что из-за твоих переживаний болезнь может только усилиться.

Лю Фа уже обсудил все с Цю Хэнянем и рассказал жене, так что она была в курсе происходящего.

Она горько улыбнулась:

— Я и не говорила тебе об этом, потому что стыдно. С тех пор, как они сюда переехали, у меня и дня спокойного не было, а теперь еще эта история... Как же мне тяжело на душе!

Сказав это, она посмотрела на этого молодого человека с чистыми, утонченными чертами лица и невольно вздохнула в душе.

Лю Фа даже не посмел рассказать этой паре, какой злой умысел задумали Чжан Цзюй и Лю Сян против них. Только из слов самой Чжан Цзюй они узнали, что до того, как взялись за хозяина лавки мясных деликатесов, Лю Юфу, Чжан Цзюй и Лю Сян уже пытались втянуть в свои дела других людей.

Только тогда Лю Фа и его жена поняли, почему в какой-то момент Цин Янь и Цю Хэнянь перестали часто бывать у них дома. После всех выходов Лю Сяна эта пара, дорожа отношениями с семьей Лю, даже словом не обмолвилась о случившемся и не вынесла ссору на люди.

Когда в тот день Чжан Цзюй предложила сделать Цю Хэняня «жертвой», Лю Фа действительно на мгновение заколебался. Но, как только Чжан Цзюй ушла, жена Лю Фа как следует его отругала.

— Люди без совести — это не люди, — сказала она. — Цю Хэнянь и Цин Янь всегда относилась к нам хорошо, и характеры у них достойные. Если ты поступишь так, ты просто сбросишь беду на их голову, лишь бы самому остаться в стороне. Ты после этого еще сможешь считать себя человеком?

Слова жены отрезвили Лю Фа. Он ударил себя по щекам и, стиснув зубы, сказал:

— Лю Юфу и их семья не могут больше оставаться в деревне. Даже если я ничего не сделаю, кто знает, что они еще придумают. Они ведь способны натворить что угодно, и тогда под ударом окажутся Цю и его гер.

Он хлопнул себя по колену и добавил:

— Лучше уж потратить побольше серебра и отправить их в уездный город, чтобы они там прятались!

Цин Янь спросил:

— Где они сейчас? Они действительно уехали в уезд?

Жена Лю Фа кивнула с явным сожалением:

— Сначала хотели перебраться в другую деревню, но там слишком мало места, да и люди быстрее начнут интересоваться чужими делами. Поэтому мы сняли им дом в уездном городе.

Цин Янь нахмурился:

— Это, наверное, недешевое удовольствие?

Жена Лю Фа с горечью кивнула:

— Не то слово — недешевое. Лю Фа заплатил за аренду сразу за год, так получается дешевле, чем помесечно. Но без денег они бы все равно там не выжили, так что мы еще дали им сто лян серебра. Теперь нам придется затянуть пояса, иначе никак.

Она вздохнула и добавила:

— Но заболела я не только из-за этой истории.

Цин Янь спросил:

— Что еще случилось?

Жена Лю Фа ответила:

— Все это я еще могла бы стерпеть. Перед их отъездом я подумала: скоро пора засеять поля, год будет трудным, поэтому лучше нанять работников, чтобы обработать землю, а к осеннему сбору урожая хоть что-то восполним. Но... — она задохнулась от возмущения, и из глаз у нее потекли слезы, — но эта Чжан Цзюй, узнав, что им скоро уезжать, взяла и продала наши несколько десятков му земли! Да еще так, чтобы мы не помешали, — тихонько продала их семье из соседней деревни, которую мы совсем не знаем.

Цин Янь удивился:

— Но ведь земля по документам оформлена на вас? Как она могла ее продать?

Жена Лю Фа сквозь рыдания ответила:

— Она сказала покупателям, будто я сама попросила ее продать. Когда они уехали, те люди пришли за договором на землю, и тогда мы узнали об этом. Если не отдать договор, придется вернуть деньги, но разве Чжан Цзюй собирается вернуть хоть что-то? В итоге мне пришлось стиснуть зубы и передать им документы.

Говоря это, она разрыдалась, слезы и сопли текли без остановки, а дыхание становилось все более прерывистым.

Цин Янь встал, взял тряпку, смочил ее в тазу с водой и подал, чтобы она вытерла лицо.

Жена Лю Фа закрыла лицо мокрой тканью и долго, громко рыдала.

...

Вечером Цин Янь рассказал обо всем Цю Хэняню, на что тот заметил:

— Семья Лю Фа задолжала семье Лю Юфу, и теперь долг полностью возвращен, да еще и с лихвой.

Цин Янь вздохнул:

— Только вот когда Лю Сян будет рожать, неизвестно, что еще они выкинут. Эта семья вряд ли успокоится.

Помочь семье Лю было трудно, но они решили почаще навещать их, поддерживать добрым словом и быть готовыми помочь, если возникнет нужда в деньгах.

Снадобье в котле в передней комнате уже почти сварилось. Цин Янь встал, чтобы проверить. Он взял тряпку, чтобы поднять горячий котел, но тут его остановила большая рука. Цин Янь поднял глаза и увидел перед собой Цю Хэняня.

— Не обожгись, я сделаю, — сказал он.

Он взял тряпку из рук Цин Яня, поднял кипящий котел и налил отвар в большую чашу, которую Цин Янь заранее придвинул к краю стола.

Когда Цю Хэнянь выпил лекарство, Цин Янь тут же положил ему в рот кусочек цуката.

Цю Хэнянь, держа цукат во рту, улыбнулся, глядя на Цин Яня, который смотрел на него с нетерпением.

— Очень сладко, — сказал он.

Цин Янь довольно зажмурился.

...

С тех пор Цин Янь стал чаще заглядывать в лавку тофу. Когда жена Лю Фа поправилась и смогла выходить из дома, они вдвоем, а иногда и с тетушкой Ли, начали ходить вместе собирать дикие травы. Если Цин Янь выставлял свой товар на рынок, жена Лю Фа иногда помогала ему. За это он платил ей небольшую сумму, считая это способом немного развлечься и отвлечься.

Постепенно настроение жены Лю Фа улучшилось. Лю Фа был очень благодарен Цин Яню, даже устроил ужин для него и Цю Хэняня у себя дома.

К концу апреля у соседей, в семье Чэнь Юя, родился сын. Весил он шесть цзиней и девять лян, и ему дали прозвище Сяо Цзюлянь (Маленький Девять Лян). От счастья Чжан Вэньшэн не мог перестать улыбаться. Даже когда Чэнь Юй ворчал, что он слишком неловкий и не умеет держать ребенка, он все равно отвечал с радостью, сохраняя удивительно добродушный характер.

Живя так близко и будучи соседями, несмотря на прошлые неприятности, Цин Янь решил сделать доброе дело ради уважения к господину Чжану и принес в дом Чэнь Юя тридцать красных яиц.

После рождения ребенка характер Чэнь Юя немного изменился. Увидев корзину яиц, которую принес Цин Янь, он, наконец, почувствовал себя неудобно, хотя и старался это скрыть. Сдержанно он сказал:

— Когда у тебя родится, я верну тебе вдвое больше.

Цин Янь ответил:

— Я не ради выгоды пришел. Все будет видно в свое время. Ты лучше отдыхай, а я пойду.

Но Чэнь Юй его остановил:

— Цин Янь!

Цин Янь обернулся. Чэнь Юй сжал губы, явно хотел что-то сказать, но так и не смог выдать из себя слов.

Цин Янь улыбнулся, опустил взгляд на ребенка, которого держал Чэнь Юй, и сказал:

— Сяо Цзюлян похож на тебя, очень красивый.

С этими словами он ушел.

Вечером, за ужином, Цин Янь сказал Цю Хэняню:

— Ребенок весь в Чэнь Юя, совсем не похож на Чжан Вэньшэна.

Цю Хэнянь на мгновение замер с палочками, но лишь коротко ответил:

— Угу.

Цин Янь добавил:

— Зато, когда дети рождаются вовремя, они такие пухлые и милые. Вот у Инланя малыш сейчас просто прелесть, а когда только появился на свет, такой худенький был!

Цю Хэнянь снова только сказал:

— Угу.

В ту ночь, после того как погасили свет, Цин Янь ворочался в объятиях Цю Хэняня, его руки шаловливо скользили туда-сюда. Но вскоре одна рука была поймана и крепко сжата. Цин Янь тихо застонал, потянулся, чтобы потрогать подбородок мужчины, но тут же почувствовал, как его кончики пальцев слегка прикусили. Он попытался поднять другую руку, но сильная рука Цю Хэняня крепко удерживала его, не давая пошевелиться.

Цин Янь продолжал извиваться, но тут Цю Хэнянь прикрыл его глаза рукой и сказал:

— Будь послушным, пора спать.

Через некоторое время, не выдержав, Цин Янь подкрался к уху Цю Хэняня и прошептал:

— Это из-за того травяного отвара?

В темноте мужчина молчал.

Цин Янь хотел было продолжить, но вдруг оказался перевернут, и мужчина закрыл ему рот поцелуем, одновременно его большая рука скользнула вниз.

Долго они не целовались. Цин Янь, запыхавшийся, оказался в крепких объятиях. Его тело слегка вздрогнуло, и он полностью расслабился.

Цю Хэнянь встал с постели и пошел мыть руки. Цин Янь, чувствуя себя расслабленным и довольным, растянулся в постели. Все мысли, что были у него в голове несколько минут назад, испарились.

<http://bllate.org/book/13590/1205231>